

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 14 (2329).

Суббота, 5 апреля 1947 г.

Цена 50 коп.

1 стр. **Передовая.** Глубже — в жизнь! **В. Кожевников, И. Прут.** Судьба Реджинальда Дэвиса. (Отрывки из пьесы). **Информация.**

2 стр. **И. Эвентов.** Молодые поэты Ленинграда. **Корней Чуковский.** Удача и надежда. **С. Шервинский.** «Времена года». **Е. Златова.** Профанация тем. **Б. Брайнина.** Старое в «Новых рассказах».

3 стр. **Навстречу Великому Октябрю.** Новая сталинская пятилетка и литература. **С. Марвич.** Самая главная тема. **Фед. Малов.** Сильное оружие. **А. Макаров.** Воспитание чувств.

4 стр. **А. Исаев.** Книга о Франции. **Ник. Каринцев.** Пропанация марксизма и безумия. **А. Раскин.** Литературные пародии. **Ярослав Смеляков.** **Информация.** «Дешевая библиотека» для детей. Белгосиздат в 1947 году. Автографы Некрасова. Приобретения музея им. Маяковского. Творческий семинар. Юбилейный сборник. Сценарии на колхозные темы. Новые книги. **В Союзе советских писателей СССР.** Юбилей Адишера Навои. Новые стихи Н. Тихонова. У писателя Саратова. Вечер памяти Жан-Пьера Блюка. 50-летие Арга. **Письмо в редакцию.**

ГЛУБЖЕ — В ЖИЗНЬ!

Незбываемые, героические и творческие напряженные дни переживает наша страна. Где и когда жизнь была такой увлекательной, полной и многообразной, где и когда она так щедро открывала перед художником возможность радостного творчества.

Как необыкновенны и героичны судьбы наших людей, как сложны и интересны их взаимоотношения, как полно раскрывается характер социалистического человека в его труде и борьбе за новое общество. И нужно ли удивляться той жаждою, тому пристальному вниманию, с каким многие наши писатели относятся к окружающей их жизни. Любят к нашей действительности, полнокровный интерес к ней не могли не породить в советской литературе того разнообразия тем и характеров, какими отмечены книги последних лет. И вместе с тем она еще не создала развернутого, глубокого и обобщенного изображения современности.

Чтобы подняться на уровень этих задач, писатели должны полностью осознать всю глубину и значительность целей, которые ставят перед собой инженеры человеческих душ — наша великая эпоха. Литература «...обязана развивать вкусы народа, поднимать выше его требования, обогащать его новыми идеями, вести народ вперед» (А. А. Жданов). И для этого наши писатели, овладевая марксистско-ленинским мировоззрением, должны в то же время беспрерывно, настойчиво и упорно работать над познанием советской действительности. Суметь передать в книге свое отношение к жизни, к людям и их делам так, чтобы читатель тебе поверил, заставить читателя увидеть мир твоими глазами, полюбить твоих героев и возненавидеть твоих врагов можно, только покорив читателя силой своего мастерства и таланта, своим полным и проникновенным знанием жизни.

Профессия литератора требует от человека полнокровной идейной и творческой зрелости, полного знания жизни, ясного сознания себя. Истинный художник не может не быть передовым человеком своего времени, а для этого он должен жить интересами своего народа, быть в центре событий, определяющих жизнь страны.

Разумеется, наряду с этим писателю должен в совершенстве владеть своим мастерством. Все это вместе взятое делает профессию литератора одной из самых трудных.

По свидетельству всех великих писателей, работа всегда поглощала все их мысли и время. Строго говоря, литература была для них не только профессией, она составляла смысл и суть жизни, поглощала их целиком.

Громадное значение придавали великие художники уменью наблюдать, распознавать в элементарных деталях общности общие законы человеческого существования.

«Никакою мелочью нельзя пренебрегать в искусстве, — говорил Лев Толстой, — потому что иногда какая-нибудь полуотраженная пуговица может осветить известную сторону жизни данного лица. И пуговицу непременно надо изобразить. Но надо, чтобы и все условия, и полуотраженная пуговица были направлены исключительно на внутреннюю сущность дела, а не отвлекали внимания от главного».

Между тем, как часто в романах и рассказах некоторых наших писателей, чаще всего молодых, ложно понятой любовью к подробностям заслоняет основное, как часто излишние, не идущие к делу детали затеют смысл, уведут от главного. И что примечательно — именно эти детали чаще всего и бывают неточными. Вот герой разглядывает в запотевшем окне свое отражение, и автору невдомек, что запотевшее стекло ничего отразить не может. Вот море, с пенной разбивкой о камни, одновременно лижет берег, хотя лизать его оно могло бы, только стигнуло и перестало с пенной разбивкой о камни. Вот писатель, увлеченный традиционными метафорами вроде «стальных чешуек», заставляет машину выполнять вовсе не свойственные ей функции. А в результате читатель иронически улыбается, пожимает плечами и перестает верить автору не только в мелочах, но и в главном.

На читательской конференции, организованной недавно «Литературной газетой» в Сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева, многие из выступавших говорили об этом. Студентка Н. Дробышевская укоряла писателя Г. Медынского в том, что делая нарочито грубым язык своих персонажей, он неудачно поддается под народную лексику. Студентка Г. Малышева резко обвиняла журнал «Молодой кол-

хозник» в том, что он печатает рассказы, мало связанные с жизнью колхозной молодежи и страдающие неточностями в описании быта советской деревни. Профессор В. Харченко, в общем положительно оценивший повесть В. Овечкина, тем не менее отметил в ней ряд ошибок, проистекающих от недостаточного знакомства автора с материалом, о котором он пишет.

Новые социальные условия неузнаваемо изменили не только быт, но и характер советского человека со всеми внешними признаками его проявления — изменился язык, жест, манера вести себя в обществе, манера общения людей друг с другом. А между тем и теперь в театре нас нередко раздражает актриса, которая пытается передать переживания советской женщины с помощью трагического замалывания раб, забывая, что этот прием, бывший когда-то в ходу на провинциальной сцене, вовсе не характеризует женщину нашего времени. Авторы некоторых современных повестей заставляют колхозников изъясняться на языке крестьян Златовратского или на языке советской рабочей молодежи манера дореволюционной мажоранщины, зачеркывая тем самым кардинальные изменения, внесенные в психику нового человека новым социалистическим укладом жизни. Невниманием к особенностям духовного и внешнего облика нового радужного современника, нежеланием присмотреться к этим особенностям грешат также наши писатели, замкнувшиеся в стенах своей рабочей комнаты и познающие жизнь только из газетной страны. Произведения такого писателя недостает самого главного — правдивости, жизненной убедительности. Неудивительно, что в его героях читатель никак не может узнать портреты людей, которых он привык каждый день встречать вокруг себя, своих друзей, товарищей и соратников.

Уберечь писателя от таких ошибок может только острое зрение, полный интерес к жизни, исключительная тщательность в описании виденного.

И помочь ему в этом призваны редакции наших журналов. Помогая писателям в собирании материала и внимательно проверяя фактическую сторону их наблюдений, редакции могут немало способствовать знакомству литератора с самыми разнообразными сторонами нашей действительности.

При этом редакция не следует упускать роль непосредственных наблюдений в работе писателя. Не обязательно требовать от автора, чтобы, побывав в колхозе, он немедленно засел за создание повести о только что увиденном. Пусть его наблюдения станут частью того запаса жизненных впечатлений, которые послужат основой для будущей книги, может быть непосредственно даже и не связанной с последней поездкой. Пусть этот запас у писателя множится и растет, пусть обилие материала вызовет у него непосредственную потребность рассказать читателю о том, что он увидел и понял. Не нужно бояться, что прежние впечатления могут быть заслонены более новыми. Писательский опыт накапливается годами. И чем больше в запасе у писателя встреч, наблюдений и впечатлений, тем более зрелым и полным становится его понимание жизни, тем более полноценным делается его житейский и творческий опыт.

Разумеется, учиться нужно человеку любой специальности. Но писателю, обязанному всесторонне, глубоко и всеобъемлюще освоить технику своего ремесла. Знать, как пишется, — это еще далеко не все, что требуется литератору. Помните, каким несчетным источником знаний был А. М. Горький. Проблемы физиологии и биологии интересовали его так же, как и новейшие технические открытия. В истории он чувствовал себя столь же свободным, как в теории литературы, и всю жизнь он продолжал учиться, жадно следя за наукой, пытаясь выдвигаясь в изображение жизни, которую он так хорошо знал и так горячо любил.

Серьезную роль в деле сближения писателя с жизнью должны сыграть творческие командировки, поездки писателей по стране — на новостройки, заводы, в колхозы. Союз советских писателей направляет в ближайшие дни большую группу литераторов в колхозы для внимательного ознакомления с сегодняшней жизнью советской деревни. С ее людьми, ведущими борьбу за новый подъем социалистического сельского хозяйства. Непосредственное соприкосновение с действительностью поставит литератора перед лицом насущных вопросов жизни, поможет им овладеть бесконечным богатством новых тем, выдвигаемых перед искусством нашей великой эпохи.

Двадцатилетие украинской Литературной газеты

КИЕВ. (От наш. корр.). На торжественном заседании президиума Союза советских писателей Украины, посвященном двадцатилетию киевской «Литературной газеты», было оглашено приветствие ЦК КП(б)У юбиляру.

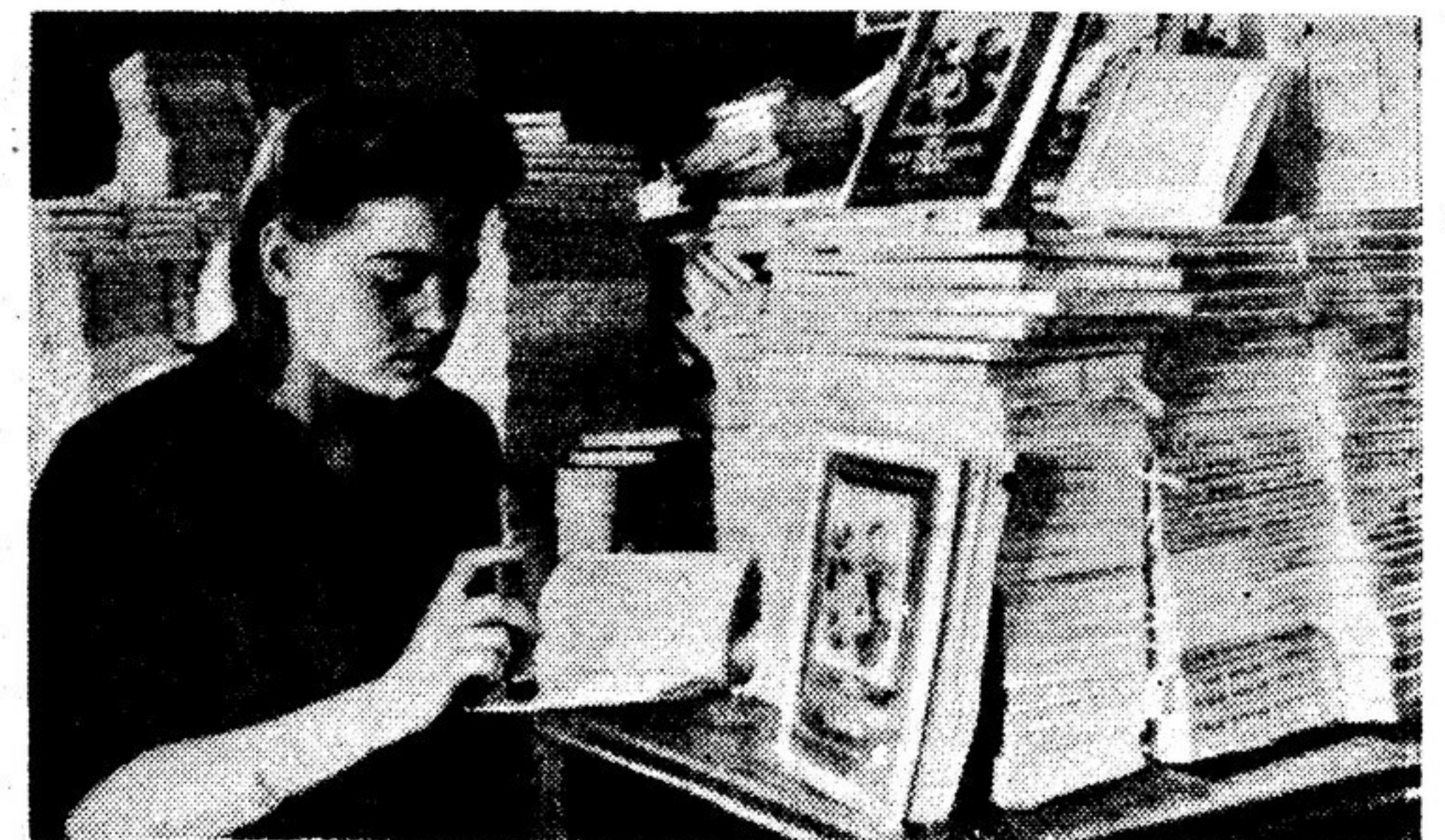
В приветствии говорится, что за 20 лет существования «Литературная газета» внесла ценный вклад в развитие украинской советской культуры и сделала немало для творческого и идейного роста советских писателей Украины.

Советских людей, в преодолении трудностей на пути нашего движения вперед, на пути начертанном великим Сталиным.

С речью о задачах «Литературной газеты» и советских писателей Украины выступил заместитель председателя Совета Министров Украинской ССР тов. Д. З. Мануильский.

На торжественном заседании был заслушан доклад писателя Ивана Ле «20 лет борьбы за большевистскую партийность в литературе».

Обильным получены приветствия от президиума Союза советских писателей СССР, от «Литературной газеты», от газет «Радянська Україна», «Права України», Института литературы Академии наук УССР и других организаций.

Контролер львовской типографии «Атлас» А. Рухоманов проверяет готовые экземпляры книги И. Островского «Как закалялась сталь», изданной на украинском языке. Фото Л. Леонидова.

В. КОЖЕВНИКОВ
И. ПРУТ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
КАРИНА ТРЕТЬЯ

Реджинальда Дэвис подчиняется закону

Канцелярия городской тюрьмы Кастельнуво помещается в первом этаже старинного здания. У стола сидят два человека: начальник тюрьмы и судья. Они играют в карты. Двое полицейских молча наблюдают за игрой.

Начальник. Открываю окошко!

Судья. Да, окошко — ваше! (Тщательно тащит карты). Вам сегодня везет, Костелли! И здорово везет!

Начальник. Я не жалуюсь! Но это только с вами: вчера вечером проиграл Фредерико шесть ятовых! Он разгромил меня, как школьника!

Судья. Почему проиграли?

Начальник. По две тысячи очков!

Судья. Ого! Крупная ставка! Откуда у него такие деньги?

Начальник. Уже устроился! Главным контролером винной монополии. На вине всегда можно было хорошо заработать! (Играют). Все порядочные люди постепенно возвращаются к своим обязанностям!

Судья. Слава богу! В этом отношении наш выиграл делает все, что может! Время анархии прошло!

Начальник. И прошло базоварватто! (Играют). Еще одно окошко! (Волнение полицейских).

Судья (вздыхая). К сожалению! Слава-а-а!

Начальник (слабая карта). Я ждал больше затруднений, но все обошлось...

Судья (делая ход). Не скажите! Франциско Лазини! Он все еще без должности!

Начальник. Ну, милый мой! Франциско Лазини был объявлен военным преступником, но только местным союзным командованием, как мы с вами! О нем был ряд статей в иностранных газетах. «Нью-Йорк Геральд» поместил даже его портрет! Слишком крупная птица!

Судья. Это верно! Ему не хотят простить козлот!

Начальник. Г-м! Кое-что. Спать жить-емедает человек — это, знаете, не такая уже мелочь! Сипор Вышинский дважды упоминал его, как пример, так сказать... Счастье, что Лазини на свободе! Лучшего еще пока и желать нельзя! Последнее окошко в мою пользу: пангия!

Судья. Послушайте, Костелли! Вы, кажется, разговариваете специально отвлекаете мое внимание! Хватит! Или играть, или... (Часы бьют три часа).

Начальник. Сделаем маленький перерыв. Я дам вам еще возможность отбиться! Пусто ли, синьор Дэвис, приступить к исполнению ваших обязанностей?

Судья. Можно! (Он встает и надевает манжеты. Быстро входит Дэвис).

Судья. Кто начальник тюрьмы?

Начальник. Я, синьор!

Судья. Возьмите списки заключенных.

Начальник. Они у меня всегда под рукой! Дэвис (смотря на конверты). Находятся ли у вас: Николай Путин, Анжело Минони, Александр Бренкович и Славко Мирнович?

Начальник. Двое из них у меня: Бренкович и Путин!

Судья. А где остальные?

Начальник. Передайте для суда.

Судья. Выдайте мне Бренковича и Путинка! Я увезу их с собой. В тюрьме им больше нечего делать!

Начальник. Понятно, синьор! (К полицейскому). Эй, Пене! Из второй камеры Бренковича и Путинка!

Полицейский. Слушаюсь, синьор начальник! (Быстро уходит).

Начальник. Приготовьте вам документы?

Судья. Какие документы?

Начальник. Дела этих двух...

Судья. Выдайте, если это для вас так важно! Возвращаться им сюда все равно не придется!

Начальник. Понятно, синьор! Туда им и дорога!

Судья. Ну, дорога будет не такой уж стальной! Поужинают сегодня в компании друзей!

Начальник. Землей с песком! (Он при этом подмигивает Дэвису).

Судья. Меню я с вами обсуждать не собиравлюсь!

Начальник. Простите, синьор! Поставьте, пожалуйста, здесь свою подпись!

Судья. А зачем это нужно?

Начальник. Формальность, синьор! Когда заключенного возмано... туда, начальство требует отчета. И для меня — оправдательный документ!

Судья. Слушайте, как там дело? О чем вы толкуете? И вообще: кто вас сюда назначил... Как вы здесь очутились?

Начальник. Я и раньше занимал эту должность, синьор! А теперь меня пригласили как старого и опытного специалиста!

Судья. Какая глупость! (Полицейский вводит Бренковича и Путинка). Здравствуйте, мальчиш! Узнаете? (Бренкович и Путинки переглядываются). Ладно! Разберемся! (Идет с ними к дверям). Тут еще не все налажено, ребята! И обижаться вам не нужно! (Кивнув в сторону начальника тюрьмы). Приходите временно пользоваться удобствами вот этих... бывших чиновников! Но все скоро будет в порядке! До свидания, старый специалист! (Уходит с Бренковичем и Путинком).

Начальник. Счастливого пути, синьор! (Пауза).

Судья. Почему вы это допустили?

Начальник. А зачем мне спориться с американцем? Капитан, очевидно, большая персона!

Судья. Ну, со мной ему было бы труднее! (К полицейским). Давайте: кто там есть? (Полицейские уходят). Вы сейчас увидите, Костелли, как я спавляюсь с поручением мое делом! Уступите-ка мне ваше место на минутку! (Садится в кресло начальника. Полицейские приводят Минони и Мирновича).

Начальник. Подведите их к столу! (Полицейские заводят Мирновича и Минони за барьер).

Судьба Реджинальда Дэвиса

Отрывки из пьесы

Писе мы печатаем третью и четвертую картины из пьесы В. Кожевникова и И. Прута «Судьба Реджинальда Дэвиса».

Капитан американской армии, в прошлом инженер, Реджинальд Дэвис уходит на войну, как убежденный сторонник идей Рузвельта. Проверяя Африку и Италию, Дэвис в 1945 году попадает к итальянским партизанам и вместе с ними сражается против итальянских оккупантов. В бою с батальоном чернорубашечников Дэвис тяжело ранен пулей материого фашиста Кардона. Мелькнув в плену в плену, Дэвис попадает в лапы врага. Только через несколько месяцев после окончания войны он попадает в город, где размещены американские и английские воинские части. Капитан Дэвис не знает, что после смерти Рузвельта политическая обстановка в Америке и Англии резко изменилась в сторону крайних, антимарксистских войска приверженцев Гитлера. Только через несколько месяцев после окончания войны он попадает в город, где размещены американские и английские воинские части. Капитан Дэвис не знает, что после смерти Рузвельта политическая обстановка в Америке и Англии резко изменилась в сторону крайних, антимарксистских войска приверженцев Гитлера. Только через несколько месяцев после окончания войны он попадает в город, где размещены американские и английские воинские части. Капитан Дэвис не знает, что после смерти Рузвельта политическая обстановка в Америке и Англии резко изменилась в сторону крайних, антимарксистских войска приверженцев Гитлера. Только через несколько месяцев после окончания войны он попадает в город, где размещены американские и английские воинские части. Капитан Дэвис не знает, что после смерти Рузвельта политическая обстановка в Америке и Англии резко изменилась в сторону крайних, антимарксистских войска приверженцев Гитлера. Только через несколько месяцев после окончания войны он попадает в город, где размещены американские и английские воинские части. Капитан Дэвис не знает, что после смерти Рузвельта политическая обстановка в Америке и Англии резко изменилась в сторону крайних, антимарксистских войска приверженцев Гитлера. Только через несколько месяцев после окончания войны он попадает в город, где размещены американские и английские воинские части. Капитан Дэвис не знает, что после смерти Рузвельта политическая обстановка в Америке и Англии резко изменилась в сторону крайних, антимарксистских войска приверженцев Гитлера. Только через несколько месяцев после окончания войны он попадает в город, где размещены американские и английские воинские части. Капитан Дэвис не знает, что после смерти Рузвельта политическая обстановка в Америке и Англии резко изменилась в сторону крайних, антимарксистских войска приверженцев Гитлера. Только через несколько месяцев после окончания войны он попадает в город, где размещены американские и английские воинские части. Капитан Дэвис не знает, что после смерти Рузвельта политическая обстановка в Америке и Англии резко изменилась в сторону крайних, антимарксистских войска приверженцев Гитлера. Только через несколько месяцев после окончания войны он попадает в город, где размещены американские и английские воинские части. Капитан Дэвис не знает, что после смерти Рузвельта политическая обстановка в Америке и Англии резко изменилась в сторону крайних, антимарксистских войска приверженцев Гитлера. Только через несколько месяцев после окончания войны он попадает в город, где размещены американские и английские воинские части. Капитан Дэвис не знает, что после смерти Рузвельта политическая обстановка в Америке и Англии резко изменилась в сторону крайних, антимарксистских войска приверженцев Гитлера. Только через несколько месяцев после окончания войны он попадает в город, где размещены американские и английские воинские части. Капитан Дэвис не знает, что после смерти Рузвельта политическая обстановка в Америке и Англии резко изменилась в сторону крайних, антимарксистских войска приверженцев Гитлера. Только через несколько месяцев после окончания войны он попадает в город, где размещены американские и английские воинские части. Капитан Дэвис не знает, что после смерти Рузвельта политическая обстановка в Америке и Англии резко изменилась в сторону крайних, антимарксистских войска приверженцев Гитлера. Только через несколько месяцев после окончания войны он попадает в город, где размещены американские и английские воинские части. Капитан Дэвис не знает, что после смерти Рузвельта политическая обстановка в Америке и Англии резко изменилась в сторону крайних, антимарксистских войска приверженцев Гитлера. Только через несколько месяцев после окончания войны он попадает в город, где размещены американские и английские воинские части. Капитан Дэвис не знает, что после смерти Рузвельта политическая обстановка в Америке и Англии резко изменилась в сторону крайних, антимарксистских войска приверженцев Гитлера. Только через несколько месяцев после окончания войны он попадает в город, где размещены американские и английские воинские части. Капитан Дэвис не знает, что после смерти Рузвельта политическая обстановка в Америке и Англии резко изменилась в сторону крайних, антимарксистских войска приверженцев Гитлера. Только через несколько месяцев после окончания войны он попадает в город, где размещены американские и английские воинские части. Капитан Дэвис не знает, что после смерти Рузвельта политическая обстановка в Америке и Англии резко изменилась в сторону крайних, антимарксистских войска приверженцев Гитлера. Только через несколько месяцев после окончания войны он попадает в город, где размещены американские и английские воинские части. Капитан Дэвис не знает, что после смерти Рузвельта политическая обстановка в Америке и Англии резко изменилась в сторону крайних, антимарксистских войска приверженцев Гитлера. Только через несколько месяцев после окончания войны он попадает в город, где размещены американские и английские воинские части. Капитан Дэвис не знает, что после смерти Рузвельта политическая обстановка в Америке и Англии резко изменилась в сторону крайних, антимарксистских войска приверженцев Гитлера. Только через несколько месяцев после окончания войны он попадает в город, где размещены американские и английские воинские части. Капитан Дэвис не знает, что после смерти Рузвельта политическая обстановка в Америке и Англии резко изменилась в сторону крайних, антимарксистских войска приверженцев Гитлера. Только через несколько месяцев после окончания войны он попадает в город, где размещены американские и английские воинские части. Капитан Дэвис не знает, что после смерти Рузвельта политическая обстановка в Америке и Англии резко изменилась в сторону крайних, антимарксистских войска приверженцев Гитлера. Только через несколько месяцев после окончания войны он попадает в город, где размещены американские и английские воинские части. Капитан Дэвис не знает, что после смерти Рузвельта политическая обстановка в Америке и Англии резко изменилась в сторону крайних, антимарксистских войска приверженцев Гитлера. Только через несколько месяцев после окончания войны он попадает в город, где размещены американские и английские воинские части. Капитан Дэвис не знает, что после смерти Рузвельта политическая обстановка в Америке и Англии резко изменилась в сторону крайних, антимарксистских войска приверженцев Гитлера. Только через несколько месяцев после окончания войны он попадает в город, где размещены американские и английские воинские части. Капитан Дэвис не знает, что после смерти Рузвельта политическая обстановка в Америке и Англии резко изменилась в сторону крайних, антимарксистских войска приверженцев Гитлера. Только через несколько месяцев после окончания войны он попадает в город, где размещены американские и английские воинские части. Капитан Дэвис не знает, что после смерти Рузвельта политическая обстановка в Америке и Англии резко изменилась в сторону крайних, антимарксистских войска приверженцев Гитлера. Только через несколько месяцев после окончания войны он попадает в город, где размещены американские и английские воинские части. Капитан Дэвис не знает, что после смерти Рузвельта политическая обстановка в Америке и Англии резко изменилась в сторону крайних, антимарксистских войска приверженцев Гитлера. Только через несколько месяцев после окончания войны он попадает в город, где размещены американские и английские воинские части. Капитан Дэвис не знает, что после смерти Рузвельта политическая обстановка в Америке и Англии резко изменилась в сторону крайних, антимарксистских войска приверженцев Гитлера. Только через несколько месяцев после окончания войны он попадает в город, где размещены американские и английские воинские части. Капитан Дэвис не знает, что после смерти Рузвельта политическая обстановка в Америке и Англии резко изменилась в сторону крайних, антимарксистских войска приверженцев Гитлера. Только через несколько месяцев после окончания войны он попадает в город, где размещены американские и английские воинские части. Капитан Дэвис не знает, что после смерти Рузвельта политическая обстановка в Америке и Англии резко изменилась в сторону крайних, антимарксистских войска приверженцев Гитлера. Только через несколько месяцев после окончания войны он попадает в город, где размещены американские и английские воинские части. Капитан Дэвис не знает, что после смерти Рузвельта политическая обстановка в Америке и Англии резко изменилась в сторону крайних, антимарксистских войска приверженцев Гитлера. Только через несколько месяцев после окончания войны он попадает в город, где размещены американские и английские воинские части. Капитан Дэвис не знает, что после смерти Рузвельта политическая обстановка в Америке и Англии резко изменилась в сторону крайних, антимарксистских войска приверженцев Гитлера. Только через несколько месяцев после окончания войны он попадает в город, где размещены американские и английские воинские части. Капитан Дэвис не знает, что после смерти Рузвельта политическая обстановка в Америке и Англии резко изменилась в сторону крайних, антимарксистских войска приверженцев Гитлера. Только через несколько месяцев после окончания войны он попадает в город, где размещены американские и английские воинские части. Капитан Дэвис не знает, что после смерти Рузвельта политическая обстановка в Америке и Англии резко изменилась в сторону крайних, антимарксистских войска приверженцев Гитлера. Только через несколько месяцев после окончания войны он попадает в город, где размещены американские и английские воинские части. Капитан Дэвис не знает, что после смерти Рузвельта политическая обстановка в Америке и Англии резко изменилась в сторону крайних, антимарксистских войска приверженцев Гитлера. Только через несколько месяцев после окончания войны он попадает в город, где размещены американские и английские воинские части. Капитан Дэвис не знает, что после смерти Рузвельта политическая обстановка в Америке и Англии резко изменилась в сторону крайних, антимарксистских войска приверженцев Гитлера. Только через несколько месяцев после окончания войны он попадает в город, где размещены американские и английские воинские части. Капитан Дэвис не знает, что после смерти Рузвельта политическая обстановка в Америке и Англии резко изменилась в сторону крайних, антимарксистских войска приверженцев Гитлера. Только через несколько месяцев после окончания войны он попадает в город, где размещены американские и английские воинские части. Капитан Дэвис не знает, что после смерти Рузвельта политическая обстановка в Америке и Англии резко изменилась в сторону крайних, антимарксистских войска приверженцев Гитлера. Только через несколько месяцев после окончания войны он попадает в город, где размещены американские и английские воинские части. Капитан Дэвис не знает, что после смерти Рузвельта политическая обстановка в Америке и Англии резко изменилась в сторону крайних, антимарксистских войска приверженцев Гитлера. Только через несколько месяцев после окончания войны он попадает в город, где размещены американские и английские воинские части. Капитан Дэвис не знает, что после смерти Рузвельта политическая обстановка в Америке и Англии резко изменилась в сторону крайних, антимарксистских войска приверженцев Гитлера. Только через несколько месяцев после окончания войны он попадает в город, где размещены американские и английские воинские части. Капитан Дэвис не знает, что после смерти Рузвельта политическая обстановка в Америке и Англии резко изменилась в сторону крайних, антимарксистских войска приверженцев Гитлера. Только через несколько месяцев после окончания войны он попадает в город, где размещены американские и английские воинские части. Капитан Дэвис не знает, что после смерти Рузвельта политическая обстановка в Америке и Англии резко изменилась в сторону крайних, антимарксистских войска приверженцев Гитлера. Только через несколько месяцев после окончания войны он попадает в город, где размещены американские и английские воинские части. Капитан Дэвис не знает, что после смерти Рузвельта политическая обстановка в Америке и Англии резко изменилась в сторону крайних, антимарксистских войска приверженцев Гитлера. Только через несколько месяцев после окончания войны он попадает в город, где размещены американские и английские воинские части. Капитан Дэвис не знает, что после смерти Рузвельта политическая обстановка в Америке и Англии резко изменилась в сторону крайних, антимарксистских войска приверженцев Гитлера. Только через несколько месяцев после окончания войны он попадает в город, где размещены американские и английские воинские части. Капитан Дэвис не знает, что после смерти Рузвельта политическая обстановка в Америке и Англии резко изменилась в сторону крайних, антимарксистских войска приверженцев Гитлера. Только через несколько месяцев после окончания войны он попадает в город, где размещены американские и английские воинские части. Капитан Дэвис не знает, что после смерти Рузвельта политическая обстановка в Америке и Англии резко изменилась в сторону крайних, антимарксистских войска приверженцев Гитлера. Только через несколько месяцев после окончания войны он попадает в город, где размещены американские и английские воинские части. Капитан Дэвис не знает, что после смерти Рузвельта политическая обстановка в Америке и Англии резко изменилась в сторону крайних, антимарксистских войска приверженцев Гитлера. Только через несколько месяцев после окончания войны он попадает в город, где размещены американские и английские воинские части. Капитан Дэвис не знает, что после смерти Рузвельта политическая обстановка в Америке и Англии резко изменилась в сторону крайних, антимарксистских войска приверженцев Гитлера. Только через несколько месяцев после окончания войны он попадает в город, где размещены американские и английские воинские части. Капитан Дэвис не знает, что после смерти Рузвельта политическая обстановка в Америке и Англии резко изменилась в сторону крайних, антимарксистских войска приверженцев Гитлера. Только через несколько месяцев после окончания войны он попадает в город, где размещены американские и английские воинские части. Капитан Дэвис не знает, что после смерти Рузвельта политическая обстановка в Америке и Англии резко изменилась в сторону крайних, антимарксистских войска приверженцев Гитлера. Только через несколько месяцев после окончания войны он попадает в город, где размещены американские и английские воинские части. Капитан Дэвис не знает, что после смерти Рузвельта политическая обстановка в Америке и Англии резко изменилась в сторону крайних, антимарксистских войска приверженцев Гитлера. Только через несколько месяцев после окончания войны он попадает в город, где размещены американские и английские воинские части. Капитан Дэвис не знает, что после смерти Рузвельта политическая обстановка в Америке и Англии резко изменилась в сторону крайних, антимарксистских войска приверженцев Гитлера. Только через несколько месяцев после окончания войны он попадает в город, где размещены американские и английские воинские части. Капитан Дэвис не знает, что после смерти Рузвельта политическая обстановка в Америке и Англии резко изменилась в сторону крайних, антимарксистских войска приверженцев Гитлера. Только через несколько месяцев после окончания войны он попадает в город, где размещены американские и английские воинские части. Капитан Дэвис не знает, что после смерти Рузвельта политическая обстановка в Америке и Англии резко изменилась в сторону крайних, антимарксистских войска приверженцев Гитлера. Только через несколько месяцев после окончания войны он попадает в город, где размещены американские и английские воинские части. Капитан Дэвис не знает, что после смерти Рузвельта политическая обстановка в Америке и Англии резко изменилась в сторону крайних, антимарксистских войска приверженцев Гитлера. Только через несколько месяцев после окончания войны он попадает в город, где размещены американские и английские воинские части. Капитан Дэвис не знает, что после смерти Рузвельта политическая обстановка в Америке и Англии резко изменилась в сторону крайних, антимарксистских войска приверженцев Гитлера. Только через несколько месяцев после окончания войны он попадает в город, где размещены американские и английские воинские части. Капитан Дэвис не знает, что после смерти Рузвельта политическая обстановка в Америке и Англии резко изменилась в сторону крайних, антимарксистских войска приверженцев Гитлера. Только через несколько месяцев после окончания войны он попадает в город, где размещены американские и английские воинские части. Капитан Дэвис не знает, что после смерти Рузвельта политическая обстановка в Америке и Англии резко изменилась в сторону крайних, антимарксистских войска приверженцев Гитлера. Только через несколько месяцев после окончания войны он попадает в город, где размещены американские и английские воинские части. Капитан Дэвис не знает, что после смерти Рузвельта политическая обстановка в Америке и Англии резко изменилась в сторону крайних, антимарксистских войска приверженцев Гитлера. Только через несколько месяцев после окончания войны он попадает в город, где размещены американские и английские воинские части. Капитан Дэвис не знает, что после смерти Рузвельта политическая обстановка в Америке и Англии резко изменилась в сторону крайних, антимарксистских войска приверженцев Гитлера. Только через несколько месяцев после окончания войны он попадает в город, где размещены американские и

ПРОФАНАЦИЯ ТЕМЫ

Произведения Николая Алексеева... Произведения Николая Алексеева...

Что представляется собой сборник? Заголовкам «Ленинское знамя», «Орден Ленина», «Богатыри», «Штыки», «Вперед», «Наступление», «Партизаны» можно предположить...

На первых же страницах мы читаем такую набор слов: Цветет и поживает крапка, Цвета на солнце и в тени...

Краснопоманскому шестерик Шрилува был придан новый слог. Цветет и поживает крапка, Цвета на солнце и в тени...

Где знамя это, там шла отава, Не все знамя любовь и надежда, Оно цвело победы радью...

Сочиняя подобного рода «красивые», лиричные не только мысли и чувства реальное, но и элементарное политическое такта, автор выставляет, словно шат, перед произведением заголовков «Ленинское знамя», не понимая, что писать на такую тему в духе эстетского кривляния — кощунство.

Чувственно звучат строки этой же «поэмы», где Николай Алексеев говорит о Зое Космодемьянской...

Некая красноармейка собирает «в тридцать выматый сосуд» кровь со скамейки, на которой пытался Зюю, и этой кровью обмывает знамя, положенное на могилу героини.

Кровоточа, лежала тут Любовь страны, Красна слава, Но в тридцать выматый сосуд Собрала кровь красноармейки...

Над ним (знаменем — Е. З.) из розоватым глазом Сосуд, повернутый вверх дном... Красноармейка лжет рубины На ленинское полотнище...

Попытка изобразить подвиг и смерть Зои в духе церковного благочестия — просто издевательство над памятью героини и над чувством советского читателя.

В той же поэме мы читаем о том, как пионер сползает в землю красное знамя, и вот свершается нечто подобное церковному чуду:

Земле слеза святая, Смерлюсь... На радость пионерских глаз, Сидит в дупле, обвивая ветви, Над красным знаменем жавкала, Пылают корни, Вспыхнул мак, Вышел из дупла, вылетела птица, Что тогда изляла, впитала Сидела заревом пожара...

Самый словарь, евангельско-библейский — святая прах, праведная дочь, аские мук, поругана, возвышена святая, превращая смерть, материнский лик — находится в вопиющем противоречии с теми наихудшими. Алексеев любит тему ухаживать по дать в том же плане, мать повсюду на войну сына, и Алексеев пишет:

Уто мать, вля тропной нетерной, Помогая рубе отпавшей, Вознеси на высоте Наторной Знамя золотое, как зря...

На большом пути на Братиславу Был у сына мушкетерный... Так сияет материнский лик.

Советских бойцов Алексеев глумится под бильными богатей, а на партизанском отозвучивает с патристическим восторгом. Владимир Моисеев, Продолжая стилизацию, он так заканчивает стихотворение «Богатыри»:

У врат стальных Кленград Врата свиты и облегалы!

Книжку закладывают два стихотворения: «Сон Володы» и «Мать». Первое изображает горячие видения большого сыпчаного лиффа ношени-партизана, который в бреду разговаривает со своим умершим отцом — партизаном гражданской войны; второе стихотворение рисует видения матери, потерявшей ребенка и от горя как бы лишившейся рассудка.

Автор с особенной охотой изображает такие ситуации, которые освобождают его от обязанности реального видения действительности и дают простор невинной, псевдо-поэтической туманности, атмосфера которой лучше всего определяется такими стихотками:

Выйти ум, без пути и дороги, Покатился во мгу колесом...

Те несколько стихотворений Н. Алексеева («Весна», «Штыки», «Ожюанка», «Партизанская пушка»), которые можно признать более или менее удачными, не оправдывают появления всего сборника.

Думается, что у редактора, подписавшего к печати такую книжку, следовало бы «отобрать права», как это делают с шобфером, не умеющим ездить.

Николай Алексеев. «Легендарная быль», Новосибирск, 1946.

„Времена года“

„Чуть вам и слва, потруги, чья прятки в кружечки размером Звонко жужжит, поспешая ляньюне расчихать мочку...“

Как же досадно мне, когда он видит, что литвишка начинает презирать крестьянскую пестрядь и жаждет шерошаты в немецком корсаже! А тут еще и фланцизы со своими модами и чуждыми обычаями «ненароком в Литву затесались». Литовец перестает ценить свое, литовское.

И мрачные мысли одолевают деревенского поэта: Да оно будет и впрямь побесует мир, Да и облетит совсем, с чертами на рогах, ношатипши...

Какому бы то ни было вольнодумству Донелайтис — хотя бы по долгу службы — не может сочувствовать. Но он крепко стоит за грамотность, за школы, он возмущается некоторыми из своих знакомцев:

...Пенюк, известный дурак, Отче пашь не знающий лаке, Также и братец его двоюродный, круглый невежда, Школы и учителей обливают ушатом грязи...

Немало советов — моральных, домоводелческих, вообще житейских — рассыпано по поэме Донелайтиса. Уважение к труду, огромное нравственное и телесное здоровье, требующее счастия и счастья, и нигде не выставляемая на показ, но явно ощущаемая гуманность составляют основу «Времен года». Читая слова, обращенные к лошади, невольно вспоминаешь Маяковского:

...Осенью пашей, когда по грязи я на баршину еду, И черепа выветрел по дорогам усталая баршину едет, Так я жалую же, что порою обильные слезы льются из глаза у меня, особенно за, как баршину облетит.

Да, я жалую же, что порою обильные слезы льются из глаза у меня, особенно за, как баршину облетит. Вот уж тридцатилетний год и поехали мы с нею. Осромно и честно она старика на баршину таптит.

А надо мной — пожалуй мою бегущую лошугу, Смыслостынитесь никто не подумал доселе ни разу...

И это написано в те годы, когда под коммунистическими перелетами золотобережных книжечек любезничали пастушки и пастушки, и европейская литература уже начинала умиляться отвлеченными слезами чувствительного человека.

Поэма Донелайтиса могла бы, однако, не заслужить внимания и почитания, если бы автор выходящий поэтом, его реализм бесстрашен, не только сочин, даже груб, но ярк, как на полотнах старых голландцев, вроде «мушкетера» Брельера.

Природа вытисла Донелайтису еда ли не лучшие страницы его поэмы. Солоней, которого поэт называет мужиком певцом, «воробичком в серой сермяжке», не может быть забыт читателем. С исключительной силой описана осенняя распушца, внезапно наступающая зима. Отношение Донелайтиса к природе лишено эстетического подлога.

Нет у него и романтизированного очеловечения. От Донелайтиса даже не предполагается, что к Геселю или Виглиуну, чем к американо-китаянскому, токному, смотримому глазом акварелиста Джемсу Томсону с его «Временами года».

Редкие качества поэмы Донелайтиса — простотой мидитесь с ее недостатками: повторением мотивов, отсутствием действия, нечеткостью роли персонажей. Хотя Донелайтис и показывает нам целую серию крестьянских типов — старосту, умелого хозяина, лишнего батрака, — но все их разговоры, из которых, собственно, и состоит поэма: вся ткань поэмы, служат для выражения собственных мыслей автора.

Перевод поэмы исполнен с явным творческим подтекстом. Д. Бродский требует, как поэт — это важно, — чтобы в переводе лучшие мест поэмы перевелись значимо, но сохранив, где места более тусклые, видимо, мало улавливая переводчика. Иногда перевод превосходит — например, начала «осени» и «зимы», «свадьбы». В первых двух книгах у переводчика нет, однако, той свободы и уверенности, как в двух последних.

Многие слова и словосочетания найдены переводчиком очень удачно. Применение, наряду с поистейшими, а иногда прямо грубыми выражениями, таких эпитетов, как «мгитроуный» или «многоопытный», имеют ту прелесть, что они неприменно намекают на давность традиций «сельской» поэзии.

Но и надо удержать переводчика и в том, что он применяет целый ряд славянских слов, вроде «купно», «сйоб», — они придают повествованию легкий клирический налет, эти прилики нас к образам автора. Слова народного языка тем более естественны в подобном произведении. Словарь переводчика богат, но порою несколько нарочит (крюк, пошеделть). Едва ли можно одобрить такие сочетания и выражения, как «Хватит нам сетовать, братцы!», «Вот и узнаешь мальенку»; «Кто на литовской моле извяснясь; кисель и мешанка!»; «исполь с хозьяйских столов испарься!»; «исполь бессленный, «пару ворон иногда позволяю себе застрелить я».

Есть прямые несостыки: «В семействе не без «врода», Ето речкамерт сомнителен: «Без прмтотвора, «оприришишь», «ловерку», «хлопота», «запродать», «из людей» и др.

Что касается гекзаметра, то Бродский ищет по пути Гейне. Ето гекзаметр — очень вольный, настолько, что иногда становится шапками. Не стоит, например, гекзаметр начинать с антитезы. Трудная для восприятия форма гекзаметра требует особой внимательности.

Критические Донелайтиса. «Времена года», Поэма, литовского Д. Бродского. ОГИЗ, Москва, 1946, стр. 111.

УДАЧА И НАДЕЖДА

Не верится, что Мария Познанская — новичок, начинающий автор. У нее зрелый, уверенный вкус и такая степень мастерства, которая обычно достигается опытом. Почти каждое ее стихотворение жаждо до крайних пределов. Шесть или восемь строчек — ее основная норма. Такого лаконизма никогда не достигают дилетанты.

Сила Познанской заключается именно в том, что даже в этих стихах-коротышках она умеет с достаточной яркостью выразить детское восприятие мира (см. например, стихотворение «Что нравится кошке» и «Почему всё убегает назад?»).

Но у нее — не «свои» дети, живущие вне пространства и времени. В их словах и поступках чувствуются граждане нашей страны.

Вот крохотная украинская девочка, воспитанная в атмосфере советской гуманности. С каким недоумением видит она, что огромный и сильный петух бесовственно нападает на слабого. Возмущенный изностью его поведения, она, естественно, захотела внушить ему моральные принципы, которые присущей ей самой:

Пинюк-розыбнику, що ти зробив? Який тобі мислюк, чому ти так поводи? Як тобі не соромно меншого бити? Як же буди, пинюк, бийте тебе люба...

Здесь слышится подлинный голос ребенка, растущего в нашей стране. Особенно интересно звучит этот голос в стихотворениях «Портрет», «Папа вернулся домой», «Дня».

Каждое стихотворение Познанской — монолог, произнесенный ребенком. Обычно сочинители таких монологов концентрируют на короткой детскости, шеголяют напускным инфантилизмом. Книжка Марии Познанской сознательно чужда этой фальши.

Главная тема книги, как видно из ее заглавия, — цветы. Пусть не на каждой странице — поэтической, романтической, талдышан. Трудная, рисованная тема, потому что малолетний ребенок терпеть не может описательных стихов.

Он — не созерцатель, а деятель. Эстетическое любование природой ему совершенно не свойственно. Если он здоров, он весь в движении, так как основой его психической жизни является та бессознательно-мудрая и многообразная деятельность, которая зовется игрой. Она-то и ведет его к познанию реального мира.

А стихи, где ему сообщает, что у такого-то цветочка такие-то листья и такая-то окраска лепестков, вызывают у него смертельную скуку, если он — нормальный ребенок. Ботаника в стихах — для него вещь нестерпимая. Сколько ни писалось подробных ботаник, начиная с XVIII века, все они бесславно отбили от познания выходящих малолетних детей. Ибо малолетний ребенок любит, главным образом, такие стихи, в которых изображается действие. Об этом громко свидетельствует детский фольклор, где каждый образ преподносится ребенку в динамике. Даже грибы в старом русском фольклоре, и те проявляют мобильность: деются, воюют, выступают в поход.

Знание детской психики подсказало Марии Познанской именно такую — динамическую — трактовку ботаники. И это спасло ее книгу от скуки. Цветы у нее почти нигде не описываются, как носители каких-то особенностей, а либо сами участвуют в детской игре, либо с ними происходит события, которые вполне гармонизируют с детской активностью (стр. 7, 10 и др.).

Даже стихов: «Мой цветник», дающий, казалось бы, полный простор описательству, и тот изобилует разнообразными действиями: Я вымажу грабей я лопатку, Та зроблю грибки на газу, Подкажу на них я музу, Черноробит, рвезду.

Словом, книжка полезная и талантливая. Но, говоря откровенно, мы были бы весьма огорчены, если бы М. Познанская раз навсегда утвердилась в избранном ею жанре. Конечно, очень милы эти микростихи про тополяны и подснежники, котят и зайчат, но для правильной организации издательской жизни, для правильного представления более широкие сюжетные схемы, принятые в школе, являются сильной динамикой. Небольшим фактальным повествованием и сказкой, включающие детскую душу в коллизию добра и зла и воспитывающие ее при помощи правильного разрешения этих коллизий.

У нас есть все основания надеяться, что М. Познанская, отойдя мало-помалу от микростихов, отдаст свои недюжинные силы одному важнейшему (и в высшей степени недостаточному) жанру.

Мария Познанская «Мир влитий». Книг. Державин Иваныч «Волны», 1946. 32 стр.

А К Т Е Р ЗА С Т Е Н О Й

«Мне о хауев таких частенько встречалось... Что, от литовцев роль, говори на литовском языке, Нам на великий позор, в пример себе не имейте братьи...

Мне ж не мей таких, что, наравнение, вольи через меру, Песни немские неть приучают к, И, словно немцы, торчат в кабинах, утра до полночи...

Донелайтис глубоко почитает деревенскую женщину-труженицу:

Критические Донелайтиса. «Времена года», Поэма, литовского Д. Бродского. ОГИЗ, Москва, 1946, стр. 111.

МОЛОДЫЕ ПОЭТЫ ЛЕНИНГРАДА

Театр им. Ленинского Комсомола показал премьеру пьесы К. Симонова «Русский вопрос». Спектакль, поставленный С. Бирманом, прошёл с успехом (см. рецензию в следующем номере «Литературной газеты»). На сцене: артисты А. Пелевин — в роли Смита, В. Серова — в роли Джесси и И. Беренев — в роли Марферсона. Фото Е. Тиханова.

МОЛОДЫЕ ПОЭТЫ ЛЕНИНГРАДА

С первого курса Карело-финского университета ушел добровольцем в истребительный батальон двадцатилетний Сергей Орлов. Сначала командир танка «КВ», потом командир танкового взвода, под тяжелого ранения он вернулся на студенческую скамью, в Ленинградский университет. Ленинград выпустил недавно книгу его стихов «Третья скорость».

Офицер-разведчик Николай Евстифеев, начавший войну у колпинских мысей и кончивший ее в Северной Корее, работает сейчас на заводе технологом по металлу; стихи его часто появляются в газете. Командир-сапер Владимир Зотов после ранения и демобилизации вернулся к профессии архитектора: он участвует в восстановлении Петрограда и пишет стихи. Илья Демьянов был бойцом-штурманом на Волховском и Калининском фронтах, сейчас он работает на гражданском транспорте; стихи его печатаются в ленинградских газетах. Вернувшись к занятиям студент-филолог Анатолий Чепуров, прошедший с армией Венгрии, Чехословакию, Польшу; издательство «Молодая гвардия» готовит к выпуску книгу его стихов. Продолжает служить в армии С. Ботвинник, обративший на себя внимание стихами, напечатанными в «Звезде».

Лирика молодых ленинградских поэтов, как правило, автобиографична. Мир поэтических образов, в котором живет эта молодежь, связан с чувствами и переживаниями советского человека на войне. Преданность отечеству и нежная любовь к дому, к матери, подуде, солдатский быт и солдатская дружба, испытание человека огнем, переживания бойца, возвращающегося с войны, — таковы мотивы творчества молодых.

Я хотел вернуть, Теперь, полсоту кровни, Как подлин свой, ношу я на груди... (В. Саввицкий).

Вид: Я на землю по траву ступил, За полетом в битву холма, Шел в снегу, у лесного ковра, Шел навстречу горячим ветрам, В танке теплою да рад газе, — Неметри ни на что, угнетел, И в разгар вологодской весны Возвратился сегодня с войны... (С. Орлов).

Герой этих стихов — цельный человек, любящий жизнь, уверенный в своих силах. Близость тем, общая судьба героев делает интимными стихами молодых поэтов похожими друг на друга. Но стоит всмотреться внимательно, и мы обнаружим — пусть пока в отдельных стихотворениях — черты разных поэтических индивидуальностей.

Стихи Сергея Орлова отличаются смелыми, живыми образами. Вот стихи о погибшем солдате: Ему, как маяков, злетая — На миллион неков, И Мелнична Пути земля Вокруг него с боков. На рынках снахот тучи спят, Мелнична метет, Громя тивельные тремет, Ветра разбер берут...

Лирический герой Анатолия Чепурова — конкретен, как конкретны и окружающий его военный пейзаж. Характерно в этом плане весьма удавшееся автору стихотворение «Обыкновенный памятник войны». Цикл «Под чужими звездами» запечатлевает чувства советского воина в zahraniчном походе: он не только тоскует по родине, он и чужую землю жаждет видеть, он — без нищеты, без страха, без страданий. Стихи С. Ботвинника радуют разнообразием тем, самостоятельностью их поэтического выражения. Но ты победил на снегу и на мге, Шинель поноси, побори по земле, В любви обори — и тогда

Б. БРАЙНИНА

Старое в „Новых“ рассказах

«Поэты прошлых времен, — писал Горький, — восхищались красотами и дарами природы, как земледельцы и земледельцы, как «дети природы», в сущности же, как рабы ее. В отношении поэзии к природе наиболее часто и определенно звучали и звучат покорность, лести».

Принципиально иное восприятие природы у человека нашего общества, «исправляющего ошибку природы», меняющего географическую землю. Это обусловлено новым отношением к труду, когда труд — не средство, а содержание жизни, радость, творчество.

Константин Паустовский в «Кара-Бугазе» и «Колхиде» сумел передать и новое восприятие природы и новое эстетическое отношение к ней. «Здесь мы будем высасывать солнечную энергию», — говорит в «Кара-Бугазе» ученый Прокофьев, — «спустишь ее, превращая в электричество, в тепло, в свет, в какую угодно иную энергию, и этот край расцветет так, как может быть, никогда не цвети самые пышные цветы Калифорнии». Вся повесть полна движения, устремления в будущее, и читатель ощущает «пышные цветы Калифорнии», как реальность, как настоящее, — он чувствует торжество, красоту постоянно совершенствующейся жизни. Можно с уверенностью сказать, что в «Кара-Бугазе» и «Колхиде» Паустовский в своем эстетическом отношении к природе являлся подлинным социалистическим реалистом, ибо здесь его творческий метод обусловлен фактами социалистического общества (Горький).

«Радли волыного счастья жить» герои «Кара-Бугаза» и «Колхиды» побеждают природу, совершенствуют ее. Какое широкое горизонты, какие величественные перспективы открыты перед нами, какую благополучную радость непрерывного движения, созидания ощущают они!

Константин Паустовский. «Новые рассказы», «Советский писатель», 1946, стр. 183.

Тем более грустно, что в небольшой книжке К. Паустовского «Новые рассказы» только что вышедшей в свет, исчезает именно то, столь необходимое писателю чувству нового — «чувство осознания будущего». Буниково-забывское, бездейственно-созерцательное отношение к природе, к людям, к истории лежит в основе почти всех рассказов. Этот налет эгоистичности виден даже невзвешанному глазу.

Пейзажи в рассказах Паустовского сделаны безукоризненно. Краски, звуки своими непонятными тонами, нежными оттенками накладывают тонкую акварель.

Особенно интересны тонкие и выразительные пейзажи: запах новых листьев, мерзлота брусники, талого льда, из лощин пахнет укропом, из озера — голубой волдой.

Чаще всего изображается осень. Слушания, пыльная трава в саду, и один только маленький подсолнушек у забора, который все доцветает и никак не мог двинуться и «опылять». («Степная»); холодный осенний рассвет, едва заметная голубоватая заря, мгла, которая все светлеет, делается все прозрачнее, сквозь нее уже видны далекие и нежные страны золотых и розовых облаков («Подарок»).

Любима, чуть печальная родная земля с ее хот и пасмурными и осенними, но свежими и милыми днями вызывает ощущение покоя, тишины, дружно умиленную покорность извечным, незаменимым законам природы — таков лирический подтекст рассказов Паустовского.

Почти в каждом рассказе автор изображает старое дед, верного патриархального устоя жизни, мудрого, как и сама природа, нетерпимого к людскому шуму и суете. Дед Василий («Старый челя») перетирывал в телеге мокрое сено и поглядывал на поэта: «Куда это только шаптал люди казад-перед, казад-пиряд?» Сторж Семенов говорит: «Пиряд какой-то естственный, хвалит, господи!» («Собрание мыслей»). А дед Митрий в рассказе «Подарок» философствует о том, что негодил человек нарушать законы природы. И писатель, от имени которого ведется рассказ, вынужден согласиться, что зря он захотел нарушить эти

законны, затеял переиhrить зиму — сохранил в инкитатах зеленую березку... Все говорит здесь, о временах, когда поэты, по словам Горького, «восхищались красотами и дарами природы», как «дети природы», в сущности же как рабы ее... Кому, как не Паустовскому, знать, какие чудеса совершает человек, вмешавшись в жизнь природы, меняя ее законы? Откуда этот непонятный заговор чувства и предательства, давно уже отживших? «Тургеневский ли это роман с его трепетом девичьей любви и соднем ее объектами лианами?» — думает герой рассказа «Дожидливый рассвет», глядя на развернутую, лежачую на столе книгу. Да, и тургеневский не только отчасти, но в тургеневских Паустовского есть тургеневская романтика природы и тургеневская лирическая грусть. Но у него нет «широты взгляда и глубины чувства» этого великого русского писателя, нет его умения проникнуться «ясными иными трепетными злочинами». Среди писателей Добролюбов различал «людей, более или менее проникнутых насущными треволнениями эпохи, более или менее широко обнимающих движение совращения в человечестве, и более или менее ему сочувствующих. Тут степени могут быть бесчисленные. Сообразно с широтой взгляда и силой чувств будет разниться и способ изображения предметов и самое изложение у каждого».

Тургеневские традиции могли бы превратиться в повествование, если бы у писателя нашего времени они органически сочетались с широтой взгляда и силой чувства, отвечающих «насущным треволнениям эпохи». Иначе традиция превращается в эгоизм.

В рассказе «Блуждающий старик» бленкин Семенов весьма своеобразно учит пионеров «ужажению к родной земле». Он спрашивает мальчиков, что подразумевают те, когда говорят: «Иду я за родную землю». — За свою школу, — сказал мальчик в кепке. — И за своих людей. — Мало! — И за свой народ, — сказал маленький мальчик. — Чьей у него была трудовая и счастливая жизнь.

«Все вы правильно говорите, — сказал Семенов, — только мало мне этого. Мальчишки перегалялись и насупились. — Обиделись!» — сказал Семенов. — Эх, вы, распустились! А, скажем, за передела тебе даться не хочется? Защищать от от раззорения, от гибели!»?

По делу Семенов, подлинный патристизм ставит не столько в любви к человеку, к своему народу, сколько в благоговении перед каждой травкой и каждым цветком, а также перед всякой тварью божьей, перед перепелом, коростелью, дегачком. При полном союзности автора-рассказчика пионеры благодарят деду Семенова за эту «философию» патристизма.

Здесь дело не в том, что советский патристизм много шире и глубже, чем только любовь к природе. Когда Паустовский своими превосходными пейзажами привлекает читателя к природе, к родной природе, он совершает хорошее, патристическое дело. Но когда писатель призывает «драться за передела», иными словами к фетишизации стихии твари божьей, тогда он обманывает самого себя настолько, что вспоминается невольно закветские «пись и опись», «мурагы писателевич».

Книга Паустовского очень ценна по своему настроению. Все рассказы воспринимались как своеобразный роман в новеллах. Даже там, где говорится о войне, где изображен бой, вернувшийся с фронта философски отнесенности, созерцательности, неподвижности не покидает автора. Его бойцы — по существу те же патриархально-мудрые деды. Таков Тихон из рассказа «Правая рука», колхозный конюх Петя из рассказа «Сивый мерин», боец с перевязанной рукой из «Бабушкиного сада».

Если из этих рассказов выростит слова «война», «боек», в них ничего не изменится, — тон, смысл ни не будет нарушен. А без этих слов под ним вполне может стоять пример, 1910 год. В большей или меньшей степени это относится ко всей книге.

Но особенно обидна чуждость, архаичность и содержание в рассказе «Дожидливый рассвет», «Снег», «Степной старик».

В селде Осенова живет одинокая старуха Атафя Сосемова Петрова («Степной старик»). Вкук ее, степной мастер, меч-

тает сделать из тяжелого стекла хрустальный сосуд. Ветка Гая зарывается этой мечтой, свито летает ее, противопоставляя ее прозе жизни: «А то наши мужики только и знают, что пахать, да скородить, да копать, а этого для человека мало. Он обязан знать еще и какое ни на есть мастерство».

Бабка Гая и степной мастер Вася, мечтающие о хрустальном вале, старый жалостливый дед Пахом, рассуждающий: «Раз родились — все равно померем», — такими стилизованными под старину фигурами наделает писатель советскую деревню.

Герой из народа у Паустовского почти всегда леди несколько экзотической для нашего времени профессии: лапотник, ложевик, кружевница, степной мастер — обычно профессии трудные, требующие к условно-романтическому стилю. Мечты о хрустальном роале — результат все той же маршноты, искусственной романтики, уводящей «сторону от жизни». Если бы Паустовский сумел сделать мечты о хрустальном роале подлинно поэтическими, т. е. наполнить их горячим чувством нового поколения будущего, читатель поверил бы в талантливую мастера Васю, и в бабку Гая, и в хрустальный вале. Ведь верил же он в пышные сады Калифорнии, в замечательных героев Паустовского, побеждающих природу, совершенствующих жизнь на земле.

Константин Паустовский, автор «Кара-Бугаза» и «Колхиды», открыто полемизирует с самим собой, с прежними героями — с ученым Прокофьевым, с ученым советским строителем Габунией, когда кончает свой рассказ лирическим отступлением, поздравляющим покой и неподвижность, завладевшую лесами, нашим садом, всей нашей жизнью». В стиле эстетской доведенной новеллы рассказана мечта о хрустальном роале. «Он даже снялся мне иногда, этот роаль. Он отражал пламя тяжелой, статичные портреты композитора, сверявшие золотые рамы, снег за окнами, серого кот, — он любил сидеть на крыше поуде, и, наконец, черное платье молодой пещицы и ее опущенную руку. Мне снится переключаясь по замам, как это, ползок хрустального роаля».

Такого рода настроения проникают навсозв рассказы, в которых изображена советская интеллигенция.

Новая Сталинская пятилетка и литература

Навстречу Великому Октябрю

С. МАРВИЧ

Самая главная тема

Заметки писателя

Фед. МАЛОВ

СИЛЬНОЕ ОРУЖИЕ

Горьковский автомобильный завод имени Молотова изготовил опытный автомобиль, оборудованный под передвижную библиотеку. Автомобиль радиопроцелирован, электрифицирован и укомплектован в кузове размещается библиотека, имеющая 1300 книг. Предельная скорость передвижной библиотеки предназначена для обслуживания колхозов. В апреле этого года будет выпущено 30 таких машин.

На снимке первый опытный автомобиль-библиотека.

Фото П. Вознесенского.

1
Философы «заката и распада культуры», которых немало появилось на Западе после первой мировой войны, не раз писали о вырождении, о неминуемой гибели искусства. Одна из худших доводов, которыми они оперировали, заключалась в том, что темы «вечного порядка» уже окончательно отработаны и невозможно художнику сказать новое слово. Любопытно, что, перечисляя эти темы «вечного порядка» (любовь, страдания человека, смерть, власть, сильное, борьба за жизнь и т. д.), отрицатели искусства не выделяли особо тему труда. Той отдаленной темой для них не было.

Труд сам по себе — не новая тема в искусстве. Со времен Гесиода она жила в художественной литературе. Но труд был обычно символом безропотного подчинения судьбе, покорности, которая не идет лучшей доли на земле. Труд был делом «малых сих», которые безропотно прокладывают тяжкий путь незаметных людей, ничего не видя впереди и ничем после себя не оставляя.

В 1844 году Маркс писал: «Труд — является чем-то внешним по отношению к рабочему, т. е. не принадлежит его существу, и, поэтому рабочий не утверждает себя в своей работе, а отрицает, чувствует себя не счастливым, а несчастным, различает свободной физической и духовной энергии, а изурядует свое тело и разрушает свой дух». Действительность рабочего не есть его самостоятельность. Она принадлежит другому, она состоит в расстреливании самого себя.

Три четверти века спустя в самой большой стране земного шара утвердился освобождающий труд.

В статье «Очерк задачи советской власти» (апрель, 1918 года) Ленин, предлагая немедленно использовать все возможности для хозяйственного возрождения страны, указал:

«После перехода политической власти в руки пролетариата, сила примера впервые получает возможность оказать свое массовое действие».

В двадцатые годы, в разгар восстановительной работы, вырастает тема одухотворенного созидательного труда, возмужавшего, что даже самый незаметный человек сознает себя частью сложного сообщества людей, которые, строя настоящее, вместе с тем строят будущее.

Романом Гладкова «Цемент» открывается тема труда в советской художественной литературе. Новаторство этой книги состояло в том, что в ней впервые был показан коллектив советских людей, решающих задачу созидательного порядка.

«Перед нами открыта, — пишет герой, — новая эпоха, новая жизнь. Мы строим будущее, мы строим будущее, мы строим будущее, мы строим будущее...»

В своем размышлении Коста («Энергия») не может примирить два начала труда — интеллектуальное и физическое.

«Для меня сейчас нет иной музыки, кроме музыки массового труда», — говорит он. Поэтому Коста, признав по профессии, становится табельщиком.

Любой советский человек скажет теперь, что Коста решал вопрос примитивно, неправильно.

Сфера наблюдений советского писателя стала более широкой, чем семь, десять, пятнадцать лет тому назад. Но как мало мы пользуемся благодарнейшим материалом, как редко пишем о «винтиках», рядовых советских людях, которые творят чудеса, преобразуя своим трудом нашу страну!

Почти одна треть истории социалистического государства занята изваянием его юности. Второй раз советский человек должен вознестись к хозяйственной жизни страны. У нас были книги, рассказывающие о том, как он выполнял эту задачу после 1921 года. У нас были книги о новом, послевоенном восстановлении.

Но действительность, страницы Закона о пятилетнем плане подсказывают, что теперь эту тему надо ставить иначе. Откроем комплекты наших газет за двадцатые годы. Мы найдем сообщения о том, что разоружены еще один чем-то предприятие, что завод уже дает половину продукции 1913 года. Это считалось достижением.

Без широких познаний в технике, без всякого опыта начал советский человек восстанавливать отсталое хозяйство. Он на ходу учился азам управления.

Теперь, в последнее пятилетие, советский человек, построивший могучую социалистическую индустрию, вооруженную передовой техникой и наукой, не просто восстанавливает свое хозяйство, но одновременно и развивает его, поднимает на более высокую ступень. Это двухсторонняя задача. Советский человек может ее разрешить, если он вооружен и опытом, и техникой, и новыми свойствами мировоззрения, характерными, которые принес ему социалистический уклад.

Как советский человек решает эту двухстороннюю задачу, поставленную перед ним Законом о пятилетнем плане, можно пояснить на одном примере.

Мы орошаем Голодную степь в Казахстане, о чем в старое время были написаны Гоголь создавая людей, — об этом писал Глеб Чумалов не думая. Он выложил в то время целую доверять технику чуждому человеку. Клейку — много выходя на страницах «Правды». Из разрушенных шахт Донбасса надо откачать 650 миллионов кубических метров воды, что равносильно осушению озера площадью в 70 квадратных километров и в 10 метров глубиной. Необходимо восстановить в Донбассе более 2500 километров заваленных горных выработок. Эта работа соответствует прокладке и закреплению сплошной линии тоннелей от Москвы до Парижа на глубине в 200—700 метров.

Перед нами во весь рост встает интереснейшая тема. Возвращения война к творческому труду. Возвращения к войне для человека капиталистических стран — сложная и мучительная проблема. У нас этой проблемы нет.

Металлург Андрей («Очерк В. Галина «В Донбассе») торжествует домой, лишь только получила весть о том, что город Сталино освобожден. Но дом для Андрея — это прежде всего завод. Скорее осмотреть его, скорее начекают строю! В этом жизнь, в этом счастье.

Есть в очерке Галина человек, которому уделено несколько строк. Однако именно этот персонаж особенно запомнился. После войны шахтер из далекой Караганды. После войны шахтер из далекой Караганды. После войны шахтер из далекой Караганды. После войны шахтер из далекой Караганды.

2
Лет десять тому назад в одной литературной дискуссии была высказана мысль о том, что современного человека нельзя показывать без непосредственной связи его личной жизни с той работой, которую он выполняет для общества. Но тогда эта мысль выдвигалась лишь в порядке постановки вопроса. Сам автор статьи указывал, что это тезис еще следует доказать.

Вряд ли теперь такая мысль нуждается в проверке. Невозможно изобразить человека наших дней, не показав того, что он приносит стране своим трудом.

Труд должен быть не общим фоном, на котором развешены взаимоотношения героев, — это мы не раз видели в книгах, — а содержанием человека. На наших глазах в обществе, которое идет к коммунистическому будущему, труд становится потребностью человека. Как же можно писать о людях наших дней, упуская из вида эту сторону проявления их личности?

Не раз видывали описание, что естественный материал якобы неизбежно «спрессовывается» в ткань произведения. Мысль эта, явное несостоятельное, тем не менее, кажется, еще живуча. Потому, вероятно, героям наших книг чаще всего были представлены тех профессий, которых мы видели в литературе и десять, и двадцать, и тридцать лет тому назад. — студент, учитель, художник, артист, врач. Но где же непосредственный участник?

«О том, чтобы сделать всех рабочих и всех крестьян культурными и образованными, и мы делаем это со временем».

На наших глазах стирается все большее различие между умственным и физическим трудом, между городом и деревней, различия, которые при капитализме являются непреодолимым злом. Среди лауреатов Сталинской премии мы встречаем имена не только художников, ученых, но и трактористки, фрезеровки, колхозницы с далекого Алтая, дошедших до передовых тружеников. На пути к коммунизму наши люди являются всевозрастающими развитыми, всевозрастающими культурными. Писатель, для которого социалистический реализм является не формулой, а творческим методом, может и должен изобразить этот всеобщий процесс.

Анатору этих строк довелось слышать следующие высказывания Алексея Мясковского Горького:

«Ура, Кузбасс, все места, где с особой ответственностью видно, как человек своим трудом меняет нашу жизнь. — Это новые библиотеки советского писателя. Надо уметь их читать».

С тех пор научно увеличилось количество таких библиотек. Надо сделать все необходимое для того, чтобы советский писатель был теснейшим образом связан с ними. Жизнь настойчиво зовет к этому!

ВОСПИТАНИЕ ЧУВСТВ

Около двух лет назад случилось мне стать свидетелем любопытного разговора в офицерском вагоне поезда дальнего следования. Многие пассажиры ехали в отпуск, были почти радостно только что достигнутой победы над Германией, единое чувство быстро обляло всех и разговор стал общим. Скоро же овладела одна лейтенант, уже побывавший дома и возвращавшийся в свою часть. Он знал и видел больше, чем другие. Каждый мог поведать о боях и походах, о Румынии или Германии, но только один он мог рассказать о побывке дома, — это чувство остальным еще предстояло пережить.

Описывая свои переживания, лейтенант все время цитировал стихотворение М. Исаковского «Возвращение», по полдню до этого опубликованное в «Правде».

Его рассказ длился долго, видно было, что он искренне взволнован, образован и удивлен этой своей способностью к поэтическому восприятию явлений, что, может быть, он впервые открыл в себе это качество.

Многое в этом рассказе было в большой мере новым и для меня. Смотря на возвращенного лицом этого молодого парня, на его ликующие глаза, я впервые понял глубокую суть поэтической работы Михаила Исаковского; вдохновенный рассказ моего земляка осветил мне особенно ее значение.

— Угадай все, что я буду чувствовать, и все, что замечаю — угадай — удивлялся лейтенант. — И березы у нас точно так же с пригорка сбегает, и мальчишки за мной оравой по деревне, до деревни-то я дошел, уже скотину сохранил.

И вот я иду через сени, в сених половинах скрипят...

Подумайте, даже половинах предумовет...

Он был не вполне прав — поэт не только угадал его чувства, но и научил им его. Возвращение с войны в родную деревню не могло не быть радостно-волнующим для любого человека, но насладиться всей его поэтической прелестью, постоять у станции, чтоб сердце осталось немного, увидеть одухотворяющим взглядом стоящие на холме березы, заметить скрип половиц в сених мог только поэт. И поэт научил этого молодого офицера, выразив в своем стихотворении паре. Лейтенант смотрел на памятник ему с детства мир глазами поэта, близкого ему по духу, и был потрясен многозначностью каждого из привычных явлений этого мира.

Стихотворение «Возвращение» вошло в сборник избранных произведений поэта, отражающий его творческий путь. Но, когда я перечитывал этот сборник, невольно в памяти всплыв разговор, слышанный в вагоне. О Михаиле Исаковском написано много. Его стихи давно перестали быть просто оригинальным литературным явлением, они вошли в народ, миллионы людей от мала до велика считают вполне естественным бытие самых сокровенных своих чувств славными словами. Стихи Исаковского не нуждаются в рекомендациях, они проверены и временем и сердцем народным.

Но сборник этот впервые с такой наглядностью раскрывает роль, которую играло и играет творчество Исаковского в нашей жизни. В полном смысле этого слова М. Исаковский — поэт-новатор, утверждающий в нашей литературе качественно иной песенный жанр, подобно которому не знала поэзия прошлого. Жанр этот создан трудом целого поколения советских поэтов.

В чем его особенность? В нем, конечно, легко усматривается черта традиций демократической поэзии. Советские песни — песни М. Исаковского — более чем кто-либо, — устной народной песни; для М. Исаковского характерно такое взаимоотношение, взаиморасположение литературы и народной песни, которому уделил великий Некрасов. Но главное все же не в этом.

Исконом веков существовала лирическая народная песня. Издавна существовали также песни патристические, гражданские. В конце XIX века появляются массовые революционные песни. Все это были различные формы народной песни. Рабочие, вышедшие с

ИЗБРАННОЕ

В. КАТАЕВ

ИЗДАНИЕ

ОГИЗ ГОСЛТИЗДАТ 1947

Обложка книги стихов Ило Мосина работы С. Чапыгина (Советский писатель).

флагами на мезку, не могли запеть «Потерял я колодец», равно как и деревенским девушкам, собравшимся на посиделки, не могло прийти в голову выразить свою грусть словами «Варшавянки». Но в «Катюше» с равным успехом изливает свои чувства и массовая праздничная демонстрация, и рота солдат на походе, и девушка-колхозница, возвращающаяся с поля на своем тракторе.

Мне случалось несколько раз бывать на послевоенных колхозных свадьбах. И не было ни одной, на которой не присутствовал бы негр М. Исаковский, на которой бы не пели о том, что...

...советской нашей Родины
Не забыли мы ни где.

Песню знали все — и пришедшие с фронта, и никуда из деревни не выехавшие. «Где ж вы, где ж вы, ои карьер», — начинался она типичным для лирической песни запевом; но песня эта не только о любви, не только о разлуке с любимой, а о любви к советской родине, песня патристическая. С патристическим чувством безраздельно сливается чувство к любимому «девушка прости» Катюша.

Путь он амлемо беретек ретину,
А любовь Катюша беретек.

В стихах-песнях М. Исаковского стерт грани между жанрами лирическим и гражданским, как лирическое начало в них присутствует, как лирическое. В этом отличие его творения, равно как и лучших песен других наших поэтов, от песен прошлого: песня, созданная в советской литературе, качественно иная. Определения этому жанру еще не дано, и, может быть, простое название — советская песня является для него пока исчерпывающим определением. Такая песня могла родиться и утвердиться только в советской стране, в народе, который не разделяет уже больше личного и общественного в своем сердце.

Новый жанр явился в результате тех социальных изменений, которые произошли в нашей стране, он выражает новое, иное содержание душевной жизни человека. С функцией этого жанра, роль песни в нашем обществе также качественно иная.

Новое содержание, влившее в песню советских поэтов, изменило и ее назначение, она заняла позицию активного вмешательства в жизнь, стала играть роль воспитателя огромных народных масс.

Полтора десятка лет назад советская литература переживала период всеобщего увлечения очерком. Но потом все переменялось. Постоянные очереди очерка в толстых журналах один за другим закрывались. Издатели также начали этот вид творчества в своих планах. Поездки писателей на новостройки, в колхозы и совхозы страны стали все более редкими. Волей-неволей авторы перекочевали в другие, более благоприятные жанры.

На смену очерку, насыщенный, как правило, актуальными содержанием текущей действительности, в журналах утвердилось беспеременно увлечение историзмом. Исторические рассказы, повести, романы, исторические трилогии, эссеистики, монографии, трактаты, документы грозил отойти в дальний угол современному читателю. Читатель журналов знал гораздо больше о восточном быте конюха у князя Всеволода Большое Гнездо, чем, скажем, о жизни Феррары Гольдстоуна или Гастелло. Очерки о заводах, колхозах возвращались почти автору без прочтения. Создатели их стали прибегать даже к некоторой «маскировке» под другие жанры. К примеру, последнее, столь хорошо принятое советским читателем замечательное произведение В. Овчинкина «Фронтальный прыжок» было названо автором «повестью». На мой взгляд, и по композиции, и по развертыванию сюжета, и по фактуре это — самый типичный литературно-художественный очерк, дающий глубокое, художественное обобщение явлений жизни. Столь же ярким примером хорошего путевого очерка, наполненного свежим и сочным местным колоритом, мне представляется повесть И. Арамилева «Глушесть» на Кузбассе, давшая название небольшой, но весьма удачной книжке о советских людях нашей дальневосточной тайги — книжке «Мелкие выходы» (Издательство «Советский писатель»).

Впрочем, если внимательно присмотреться к тому, что появилось только за последние годы в нашей литературе, то без особого труда можно установить множество и других случаев этого, так сказать, невольного жанрового мимикрия. Конечно, ничего предоступительного тут нет, всякому автору вполне по своему определять жанровую принадлежность своего произведения. Но все же эта «перевалка» из одного вида литературы в другой — явление до некоторой степени симптоматичное. И было бы сейчас ошибкой не заметить того факта, что очерк прошел довольно продолжительный и сложный процесс постоянного совершенствования. Наши критики, наши советские литераторы в этом должны сознательно разбираться.

Теперь художественный очерк снова становится жизнью на постсоветской земле. Это — самый боевой, самый подвижный, многообразный вид, которым художественная литература активно откликается на самые актуальные явления современности. И этими-то своими особенностями очерк и представляет для нас наибольшую ценность.

Произведения великих мастеров этого жанра — Тургенева, Глеба Успенского, Стелловского, Шергина, Короленко, Горького — были не только крупными литературными памятниками, но и замечательными общественными событиями, волновавшими всю передовую Россию.

В годы социалистической реконструкции, в годы первой пятилетки, советский литературно-художественный очерк полным голосом сказал свое слово, сказал своеобразие, точно, правильно, убедительно. Лучшими очерками — М. Шагинин, Б. Агалаев, Л. Никитин, К. Паустовский, И. Соколов-Микитов и других — вошли в основную фонд нашей литературы и заняли в нем одно из первых мест.

Внешние очерки К. Симонова, Н. Тихонова, В. Оренбург, Л. Соболева, Б. Горбатова, В. Белкина и других — это тоже очерки, как неистовые и волнующие документы своего времени, несомненно, пережившие многих своих сверстников из других литературных жанров.

Советского читателя горнично волнует портреты знатных людей советской страны, описания новостроек, путешествий, новых географических открытий, работ многочисленных экспедиций. Об этом свидетельствует высокая оценка читателей и печати опубликованного в «Новом мире» очерка Б. Галина «В Донбассе». Но это — пока единственное заслужившее внимания явление из первых мест.

Внешние очерки К. Симонова, Н. Тихонова, В. Оренбург, Л. Соболева, Б. Горбатова, В. Белкина и других — это тоже очерки, как неистовые и волнующие документы своего времени, несомненно, пережившие многих своих сверстников из других литературных жанров.

Внешние очерки К. Симонова, Н. Тихонова, В. Оренбург, Л. Соболева, Б. Горбатова, В. Белкина и других — это тоже очерки, как неистовые и волнующие документы своего времени, несомненно, пережившие многих своих сверстников из других литературных жанров.

Внешние очерки К. Симонова, Н. Тихонова, В. Оренбург, Л. Соболева, Б. Горбатова, В. Белкина и других — это тоже очерки, как неистовые и волнующие документы своего времени, несомненно, пережившие многих своих сверстников из других литературных жанров.

Внешние очерки К. Симонова, Н. Тихонова, В. Оренбург, Л. Соболева, Б. Горбатова, В. Белкина и других — это тоже очерки, как неистовые и волнующие документы своего времени, несомненно, пережившие многих своих сверстников из других литературных жанров.

Крупнейшие французские писатели XX века резко различались в своих книгах...

Об этом рассуждают о Франции народной и Франции «духот семейства»...

В книге публикуются Анны Караваевой рассказы о Франции после ее освобождения...

Среди женских портретов, написанных Анной Караваевой, выделяется образ герцогини Делорес Ибаррури...

Караваева пишет о Париже, о французской провинции, о людях из народа, о городах, разрушенных немцами...

С большим воодушевлением говорит писательница о Лиможе, Сен-Жане и т. д.

Старый житель разрушенного и испепеленного Орлеана сказал советской писательнице, указывая на развалины: «У нас, во Франции, скажу я, есть еще немало людей, которые до сих пор...»

Хорошо возникает в книге тема искусства, поэзия сопоставления, тема, связанная с именем Луи Арагона...

Караваева говорит о традициях Виктора Гюго, о поэзии сопротивления, об ограниченности слияния в стихах Арагона...

Специальная глава посвящена встрече А. Караваевой и скульптора В. Мухоморова...

Караваева рассказывает о своих впечатлениях от противоречивого творчества Пикассо...

Анна Караваева, «Во Франции», Путевые впечатления, Издательство «Советский писатель», М., 1948, стр. 192.

БЕЛГОСЗДАТ В 1947 ГОДУ

МИНСК. (От наш. корр.). Директор Государственного издательства Белоруссии С. Майхрович рассказывает нам о планах издательства на 1947 год.

В нынешнем году предполагается выпустить 455 книг общим объемом в 3270 печатных листов...

Выходит в свет Октябрьская серия белорусской художественной литературы. Цель этого издания — отразить достижения белорусской советской литературы за 30 лет существования советской власти...

«Дешевая библиотека» для детей

Пикассо-гражданин показал себя непримиримым борцом антифашизмом, и я, зная это, тем более хочу видеть и читать: что именно высокого в этих образах...

Караваева говорит о прекрасных реалистических работах Пикассо, о полотнах, глубоко впечатляющих, и наряду с этим о картинах вроде «Дамы в синей шляпе»...

Читая эти странички книги Караваевой, невольно вспоминаешь записки о мастере Пикассо в очерках Владимира Маяковского...

Маяковский сказал художнику, которого ценит и любил, много суровых слов о его искусстве. Очевидно, об этом вспоминал Пикассо, отвечая А. Караваевой и В. Мухомору на их замечания по поводу вопиющих противоречий в его творчестве:

«Вот много лет назад у меня был Маяковский... так он просто ногами топал... вот так!»

Политический Пикассо в последние годы пошел по тому же пути, что и Маяковский, — по пути революции.

Пикассо, несомненно, ощущает необходимость живой, действенной творческой связи с народом. Однако противоборь в его творчестве еще немало. Было бы более интересно развенчано показать творческий путь Пикассо в последние годы.

«Во Франции» Караваевой эти записки из путевой книжки писателя, рассказ о том, как борется за свое возрождение французский народ...

«Франция, та, которую мы любим, как старого друга, показывала нам теперь своих борцов, своих смелых женщин, труд народа. Франция показывала нам могилы своих мучеников, свои яны, нанесенные ценными глазами немецко-фашистской оккупации и предательства. Франция открывала нам мечты и чаяния своих верных сынов и дочерей. Франция демократия, свобода и единство, с которой мы всегда будем дружить».

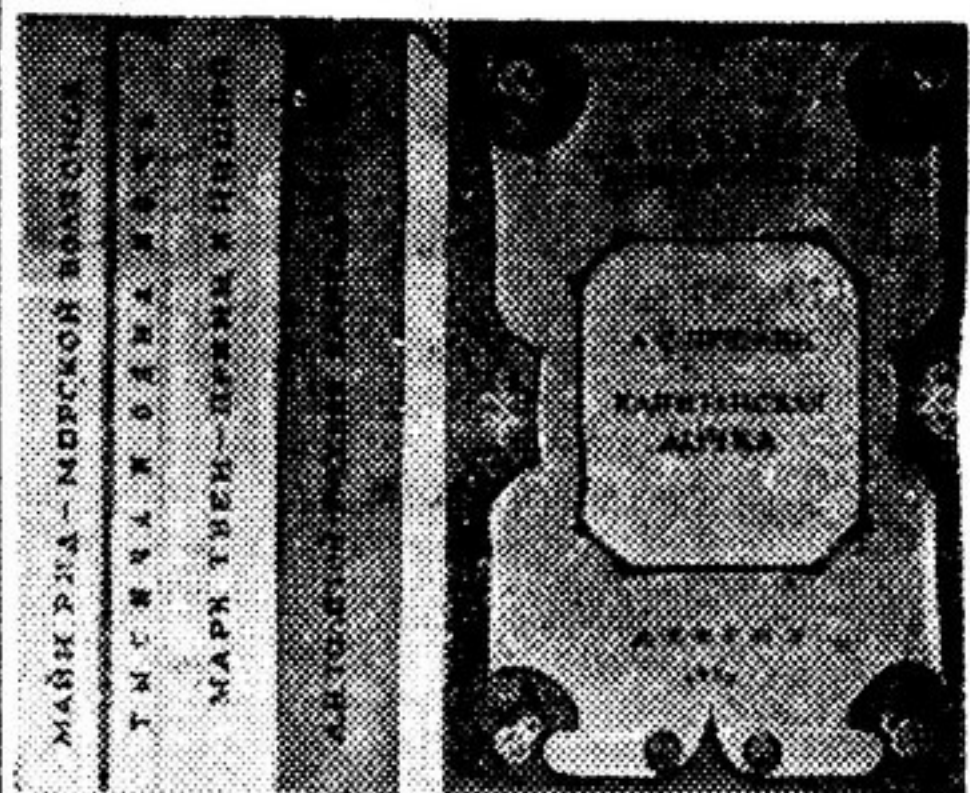
Эта книга о народной Франции, о людях с закаленными душами, о людях той Франции, которую мы всегда ценили и любим.

АВТОГРАФЫ НЕКРАСОВА

Рукописный отдел Института литературы Академии наук СССР приобрел у известного исследователя жизни и творчества Н. А. Некрасова проф. В. Е. Евгеньева...

Среди них — автобиография Некрасова, написанная за год до его кончины. Многие листки написаны под диктовку большого поэта его братом, сестрой и другими близкими людьми. На рукописи множество пометок и исправлений, сделанных лично Некрасовым.

Приобретены также воспоминания поэта о родном имени Некрасова «Грешер» (ныне село Некрасово Ярославской области), автобиографические заметки и другие рукописи.

Государственное издательство детской литературы (Ленинградское отделение) предприняло издание «Дешевой библиотеки».

Выпущены в свет «Капитанская дочка» А. Пушкина, «Железная воля» Н. Лескова, «Детские и школьные годы Ильича» Анны Ильиничны Ульяновой, «Книжка русских сказок в обработке А. Н. Толстого».

Сейчас тираж «Дешевой библиотеки» 25.000 экземпляров. Издательство предлагает довести его до 60.000 экземпляров.

Приобретения музея им. В. Маяковского

Литературный архив Московского музея В. Маяковского на днях пополнился несколькими документами и фотографиями, относящимися к дореволюционной литературной деятельности поэта.

Рукописный фонд музея обогатился рядом материалов. Особого внимания заслуживают «Штриховые заметки» о Маяковском, написанные бывшим сотрудником газеты «Комсомольская правда» Г. Краснощекловым.

ТВОРЧЕСКИЙ СЕМИНАР

РИГА. (От наш. корр.). Закончил работу своего направления. Союз советских писателей Латвии республиканский семинар молодых писателей.

На семинаре был прочитан ряд лекций. А. Улит рассказал слушателям о принципах социалистического реализма в литературе. А. Пельше — о задачах советских писателей в сталинскую пятилетку.

Юбилейный сборник

По решению бюро обкома ВКП(б) Ивановской области отделение ЦСР готовит к 30-летию советской власти сборник объемом в 30 печатных листов.

В фашистском плену томится несколько французских партизан: среди них молодая девушка — Луи и пятнадцатилетний подросток Франсуа. И странное дело, на чердаке, где заперты эти гордые, непокорные люди, — такими в действительности были партизаны, — разглагольствует же трагедия, которую Сартр называет выдуманным персонажем в пьесе «При запертых дверях».

Весь омерзительная сущность сартровской «философии» оказалась в его новой пьесе, где проповедь отпора борьбы и погружение в мирный быт с людьми, которые отдели свою жизнь в беззаветной борьбе с фашизмом.

Вся омерзительная сущность сартровской «философии» оказалась в его новой пьесе, где проповедь отпора борьбы и погружение в мирный быт с людьми, которые отдели свою жизнь в беззаветной борьбе с фашизмом.

Его первая пьеса, «При запертых дверях», выдержала только в одном парижском театре «Вье коломбье» 300 спектаклей. Сейчас она идет в Нью-Йорке, Бруклине, Женеве и Стокгольме.

Вторая пьеса Сартра, «Мухи», — вариант греческого мифа об Оресте и Электре. Тема довольно старая в драматургии. Но у Сартра она звучит по-своему. «Мухи» — это эрмины-богини «сугрызнений совести», мушкетеры человека, это наказание, последнее слово богов, чтобы держать их в повиновении.

Второй пьесы Сартра, «Мухи», — вариант греческого мифа об Оресте и Электре. Тема довольно старая в драматургии. Но у Сартра она звучит по-своему. «Мухи» — это эрмины-богини «сугрызнений совести», мушкетеры человека, это наказание, последнее слово богов, чтобы держать их в повиновении.

Но одно дело, когда извращенная фантазия Сартра обращается к сюжетам Библии и мифологии, где «убойно роскошно» надо привлекать убожество политической мысли. Когда же он переносит свои «эскизы» в реальную жизнь и вторгается в борьбу героических партизан, — картина получается некая до тошноты. Спекулирует на высокой теме, Сартр под маской «французских партизан»

В союзе советских писателей СССР

Юбилей Алишера Навои

Секретариат Союза советских писателей утвердил комиссию по подготовке и проведению юбилея Алишера Навои. В состав ее вошли: Н. Тихонов (председатель), В. Луговской (ответственный секретарь), Л. Бать, проф. Е. Бертельс, А. Дайч, И. Ерусалимский, С. Липкин, С. Маршак, Л. Пеньковский, П. Соколов, В. Шкловский, С. Ципачев.

Комиссия наметила план мероприятий по популяризации творчества великого классика в братские республики. Будут изданы произведения Навои для перевода на языки народов СССР.

Издательство «Советский писатель» готовит к юбилею односторонний произведений Навои в большой серии «Библиотека поэта». Сборник избранных произведений Навои выпустит Детиздат.

Николай Тихонов готовит большую книгу стихов, посвященную славянским странам. Первый цикл этих стихов — Югославия — поэт прочел недавно на вечере в секции поэтов.

Чтение произведений чередовалось с авторскими отступлениями, связанными с той или иной темой. Н. Тихонов говорил о своем первом посещении Югославии в 1947 году.

Писатели, присутствовавшие на вечере, с большим интересом отнеслись к выступлению Н. Тихонова и дали высокую оценку поэтическому и политическому значению его работы.

Острое чувство истории, ее непрерывности, ее могучего наступательного хода находят эти стихи, — подчеркнул П. Антокольский.

Музыкальное и сильное перо Николая Тихонова, — говорит Вера Инбер, — работает в этих стихах с необычайной точностью. Оно уже не пишет и не рисует, а как бы вырубает по твердому металлу. Темперментные и стремительные по ритму стихи дают ощущение неуловимой молодости поэта, а высокое мастерство и богатство образов свидетельствуют о его творческой зрелости.

Вечер памяти Жан-Ришар Блока

Вчера в Клубе писателей состоялся вечер памяти Жан-Ришар Блока, устроенный Иностранной комиссией Союза советских писателей ЦСР.

После вступительного слова А. Исбаха в исполнении поэта писатели выступили И. Эрнбер, В. Финк, Е. Песков, А. Рубин, П. Антокольский и А. Игнатий.

Второе отделение было посвящено творчеству поэта. Арго прочел свои стихи, литературные памфлеты, переводы из французских поэтов.

У ХУДОЖНИКОВ ПАЛЕХА

Художники-палехане готовятся к участию в всесоюзных выставках, посвященных тридцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции и 80-летию Москвы. Вниманию многих палехан привлекают темы, нашедшие воплощение в творчестве советских писателей.

Огромный интерес у палехан вызвала книга А. Фалева «Молодая гвардия». Художники тщательно изучают это произведение, слушают о нем лекции, готовясь в своих работах запечатлеть образы романа.

ПОДГОТОВКА К ПЯТИСОЛетию Великого Узбекского Поэта СТИХИ О ЮГОСЛАВИИ О ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗнь САРАТОВА ПАМЯТИ Французского писателя Вечер Арго В КЛУБЕ Писателей

У писателей Саратова

Писательская организация Саратова — коллективно небольшая, но в ней нет «мертвых душ», — констатирует в своем сообщении на заседании комиссии по русской литературе краев и областей РСФСР т. Г. Бороников и Ю. Чеурин.

Большое внимание работе писательской организации уделяет Саратовский обком ВКП(б). Недавно в обкоме на собрании партийного актива состоялось обсуждение новой пьесы Ю. Чеурина «Последние рублежи».

Готовится к выпуску очередной номер альманаха «Литературный Саратов», но выходу этой книги мешает областное издательство: нарушая существующие правила, директор Саратовского издательства Б. Бистров запрещает печатать в альманахе отрывки из тех произведений, на которые издательство заключило договоры с авторами.

На заседании комиссии были заслушаны также сообщения тт. Н. Панова и А. Ивича о литературной жизни Магнитогорска, Н. Александрова и С. Коженикова — о работе новосибирского отделения ЦСР и Г. Колесниковой — о литературной жизни Брянска.

Новые стихи Н. Тихонова

Николай Тихонов готовит большую книгу стихов, посвященную славянским странам. Первый цикл этих стихов — Югославия — поэт прочел недавно на вечере в секции поэтов.

Вечер памяти Жан-Ришар Блока

После вступительного слова А. Исбаха в исполнении поэта писатели выступили И. Эрнбер, В. Финк, Е. Песков, А. Рубин, П. Антокольский и А. Игнатий.

50-летие Арго

Тепло отнеслась писательская общественность Москвы к юбилею Арго. В его пятидесятилетие, совпавшее с тридцатилетием литературной деятельности, творческий путь поэта А. Арго, плодотворно работающего в области малой формы, административного перевода, был окarakterизован в адресованном юбиляру приветственном послании Союза советских писателей ЦСР, секции драматургов, секции поэтов, президиума Всероссийского театрального общества в лицах И. Розанова, П. Антокольского, С. Крижановского, А. Глебова и др.

Второе отделение было посвящено творчеству поэта. Арго прочел свои стихи, литературные памфлеты, переводы из французских поэтов.

В ЛИТЕРАТУРНОМ ИНСТИТУТЕ им. А. М. ГОРЬКОГО

Московский литературный институт им. А. М. Горького выпустит в этом году альманах литературных произведений студентов института. На состоявшемся накануне заседании Ученого совета института создали редакционный альманах в составе В. Лидина (ответственный редактор), Ф. Гладкова, В. Казина, Н. Замоскина, Г. Боякова.

По решению директраторы института летняя практика студентов в этом году будет посвящена главным образом культурному обслуживанию советской деревни.

По решению директраторы института летняя практика студентов в этом году будет посвящена главным образом культурному обслуживанию советской деревни.

Литературные пародии

Ярколав Смеляков. «И тада в области рта / Облачная смутная жалость. / Стай и сильными, как терн, / Обращаю к друзьям / Не считая, что это в бреду / Писательские мне стихи / Язывше, Язывше, Язывше, / В наглые пошлости / Ночную звезду.»

В смутной области среднего уха, / Где еще не ступала нога, / В вековом заподлице следа / Я хватаю быка за рога. / Под облатные «охи» и «ахи» / Не считая, что это в бреду / Я продоу трубу, Евстахий, / И огонь я в воду продоу. / Не считая. Спокойно прочтите, / Передайте другим, прочтите, / Помогите мне степь, отойдите. / Пожому зеленоею траву, / Вероятно, с обветренной кожей, / Несмодно, с прискорбным лицом, / Несмодно, робост прохоник, / Несмодно, в черном, в черном, в черном, / Был я мальчиком, стал я мужичной, / Видно, девчонкой мне уж не быть... / Не ходит мне походкою чинной, / Снимм взглядом друзей не губить. / За морями, лесами, горами / Красотой не притесня греться... / Ослепился я стал вечерами, / Выделяя железо и медь, / Я грушу... Но металл — не солома, / За меня ты душой не бойся: / На такое количество лома / Накуплю я тебе сабельки, / Ты к кому я тебе ревную, / Только онежить я лучше учую, / Дай на память ты мне не забывую, / Не ноную, но больше не звезду, / Дай мне «Знамя!» И пусть марсианин: / Чья книшка абсолютно тонка, / Востокуст, восластай: «О, Дани!.. / Дани здесь! Я бессмертен! Поки!»

Сценарии на колхозные темы. Студия художественных фильмов Министрства кинематографии СССР готовит ряд художественных фильмов на колхозные темы.

В Минской студии художественных фильмов режиссер В. Корш-Саблин заказывает постановку картины «Новый дом» по сценарию Е. Помещикова.

Тема послевоенной жизни колхозов и борьбу за урожай нашла отражение в сценарии Н. Погодина «Смелые паруса» (поэма о пятилетке), находящиеся в производстве на студии Мосфильма.

Студия Ленфильма намечает постановку картины «Драгоценные зерна».

М. Смирнова закончила сценарий «Сухой дождь», рисующий путь одного колхоза от начала коллективизации до настоящего времени.

По приказам Министерства кинематографии СССР работают над сценариями о послевоенной советской деревне и другие сценарии.

Новые книги. «Молодая гвардия». А. Калинин, «Товарищ», Роман. Стр. 286. Тираж 1000. Цена 3 руб. «Вечер в рубчик». Н. Вирюков, «Лавка», Роман. Иллюстрации В. Высоцкого. Стр. 358. Тираж 80000. Цена 1 руб. «Васко да Гама». Серия «Библиотека путешествий», 2-е издание. Стр. 320. Тираж 30000. Цена 1 руб. «Сердцебиение». Книга стихов. М. Луконин, Д. Давыдов. Стр. 101. Тираж 10000. Цена 1 руб. «Надвигая Балчи». В малейкой лаборатории. Военный роман. Перевод с английского Е. Полонской и А. Григорьевой. Стр. 346. Тираж 30000. Цена 8 руб. 50 коп.

Письмо в редакцию. Уважаемый товарищ редактор! В феврале 1946 года редакцией журнала «Юность» была принята моя повесть «Безумия», размером около 7 авторских листов. Заключительный ответственный редактор т. Смирнов сообщил мне, что повесть принята, но по поводу рукописи нет никаких замечаний и что она целиком будет напечатана в ближайшем номере.

Однако совершенно неожиданно для меня, повесть появилась в № 9 журнала (1946 г.) в изуродованном виде. Все моего великого редактора сохранила, а в № 1 главы изуродованы. В результате этого образа профессора Бублик — оригинал, тов и руководитель подпольной и партизанской борьбы в послевоенное время — оказался упрямцем, что отразилось на художественной стороне произведения.

Сокращение рукописи вызвало у меня негодование, что логичное развитие действия в опубликованном тексте оказалось неоправданным, повесть внесла путаницу и бессмыслицу.

Например, в главе V вырван весь слесарский дневник профессора, вычеркнут весь его текст, а в главе VI вырван весь текст, так, как будто читатель уже ознакомился с ним.

В XII главе вырваны страницы, где показан разговор с самым героическим человеком, профессором Владимиром Юлиановичем, вычеркнут весь текст, так, как будто читатель уже ознакомился с ним.

Исключена картина бури, когда профессор прощается в лес, чтобы оказать помощь раненому партизану, и тут же безучастно «мушкетер».

Помешать повести рукописи, сокращения не угадал, что повесть печатается в изуродованном виде, и поэтому, что изуродованное и сокращенное не без великого автор является совершенно недопустимым.

С товарищеским приветом Яков БАШ.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ. Редакционная коллегия: Б. ГОРБАТОВ, В. КОЖЕВНИКОВ, А. МАКАРОВ (зам. главного редактора), В. СМЕРНОВА, А. ТВАРДОВСКИЙ.